
Евгений СИМОНЕНКО
Возвращение
из прошлой жизни

Евгений Симоненко

Возвращение из прошлой жизни

«Автор»
2026

Симоненко Е. П.

Возвращение из прошлой жизни / Е. П. Симоненко — «Автор», 2026

«Возвращение из прошлой жизни» — честная, ироничная и местами очень личная история о том, как рушится любовь, которой веришь больше, чем себе. Младший сержант Сергей Негулин дослуживает последние месяцы в городе, где на одного мужчину приходится три с половиной женщины, и всё это время ждёт писем от девушки, которая обещала дождаться. Он ещё не знает, что последнее письмо уже написано. Не знает, что дембельский приказ станет для него не только освобождением, но и началом совсем другой жизни.Эта книга — о друзьях, которые вытаскивают тебя со дна. О случайной драке на автобусной остановке, после которой начинаешь ценить каждый вздох. И о медсестре Лике, в глазах которой слишком много знакомого. Дембель — это не конец службы, а начало пути к самому себе.

© Симоненко Е. П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Евгений Симоненко 5
Глава 1. Дембельский приказ 6
Глава 2. Инструктор по вождению 8
Глава 3. Уход по-английски 10
Глава 4. Я буду ждать 11
Глава 5. Письмо Татьяны 14
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Евгений Симоненко
Возвращение из прошлой жизни

Евгений Симоненко

Глава 1. Дембельский приказ

«Приготовиться к построению на обед!» — зычным голосом прокричал дежурный по роте сержант Курносов.

И народ сразу же зашевелился. От тумбочек, из курилки, из «учебки» в широкий коридор казармы, где обычно проходят все ротные построения, потянулся личный состав первого и второго взводов, состоящий в основном из молодых солдат. Ну а наш третий взвод старослужащих, как всегда, раскачивался.

Вообще-то обед в армии — это больше, чем просто физиологическая процедура по приёму пищи. Это своего рода ритуал. Именно количество ещё не выпитых в обед компотов определяет оставшийся до дембеля срок солдатской службы. И вообще, обед — это свято. Как говорится, война войной, а обед по расписанию.

Тем не менее бежать сломя голову в строй не позволяло положение «дембеля». Мы, «старики», могли себе позволить некоторую вольность и не торопиться на построение вместе с молодыми. И потом, именно перед обедом дневальный по роте приносил свежую почту, которую с утра «старики» ждали с особым нетерпением. Нет, ждали вовсе не писем из дома и не весточек от любимых девушек. Эти романтические времена прошли безвозвратно где-то к середине второго года службы. Старики ждали дембельского приказа, который сегодня должен был появиться в прессе. Последние две недели все разговоры на полигоне, в ангарах и нарядах в основном крутились вокруг него. Вот и сегодня, сидя перед обедом в курилке, мы обмениваемся мнением относительно дембельских перспектив.

— Что-то долго нет дневального с почтой, — затягиваясь дешёвой «примой», говорит Толик Аксёнов. — Похоже, до обеда приказа не дождёмся.

— Дождёмся, — возражает Зяма, то есть сержант Володя Земсков. — Сон приснился, будто собрался я в увольнение, а на КПП дежурный по части останавливает и говорит: давайка свою увольнительную записку. Ну, я, как положено, достаю, показываю, а он её забирает. Я спрашиваю: по какому праву не пускаете в увольнение? А он мне: приказано всех увольняющихся вернуть в часть. Это ещё зачем, говорю. А он отвечает: в военторг чемоданы завезли… И тут я проснулся.

— Ну и что следует из твоего сна? — вяло интересуется Аксёнов.

— Как что? — удивляется Земсков. — Неужели непонятно? Ведь чемоданы-то дембельские.

— Послушай, Зяма, — вступаю я в разговор, — ты-то чего так суетишься? Какая тебе разница — до обеда, или после обеда, или через неделю выйдет приказ? Всё равно ведь на сверхсрочную остаёшься.

— Точно! — засмеялся Толик. — Вместе с Курносом решили «макаронниками» заделаться.

Земсков ничуть не обижается на «макаронника».

— Решили, ну и что? Не в совхоз же возвращаться! Хватит, накомбайнерил до армии. Весной пашем — сеем, летом убираем, осенью снова пашем — сеем. И так девять месяцев в поле от зари до зари. А зимой с утра до ночи в мастерских. За сезон технику так уделаешь — зимы не хватает, чтобы со всеми заморочками разобраться. А запчастей как всегда нет. Вот и приходится из двух комбайнов один собирать…

— Точно! — поддерживает сержанта Аксёнов. — У меня почти та же история. Даже на девок времени не оставалось. А тут! — он довольно жмурится, словно мартовский кот. — Город невест. Выбирай любую! Вот дембельнусь, побуду дома месяцок — и вернусь, потому как у нас на Кубани тоже ловить нефиг. Достала меня уже эта кукуруза…

Надо признать, что со службой нам повезло. Толик точно сказал: город невест. Стоит только мужчине, неважно — гражданскому, курсанту, да даже солдату в увольнении — появиться в городском парке, на танцевальной площадке или на вечере отдыха во дворце текстильщиков, и он сразу же становится предметом женского внимания. Кто-то из местных любителей статистики подсчитал, что в городе на одного мужика приходится три с половиной бабы. Очень похоже на то.

— Послушай, Зяма, — загорается новой идеей Толик, — дембельнёшься — сразу не женись. Надо же нам с тобой после армии погулять как следует! На Серёгу никакой надежды нет, — кивает он в мою сторону. — Спит, понимаешь, и видит только свою Таню, тётку Маню и родной, будь он неладен, завод.

Земсков не успевает ответить, так как в этот момент нашу сердечную беседу прерывает команда «строиться на обед», озвученная зычным голосом сержанта Курносова.

— Ладно, хорош травиться, пора на построение, — подвожу я итог дискуссии, и, отправив щелчком окурки в урну, мы поднимаемся с низких скамеек, стоявших вдоль стен курилки, и направляемся в казарму. Первым в коридор шагнул среднего роста, крепко сбитый Толик Аксёнов. За ним порог курилки переступил Володя Земсков. А уж последним за ними двигаюсь я.

Именно на Аксёнова и наскочил влетевший с улицы в казарму дневальный с кипой газет и писем в руках.

— Ты что, салабон, не видишь, куда прёшь? — рассердился Толик. — Глаза-то раззуй!

— Ребята! Новость для вас офигенная! — не обращая внимания на сердитый тон Аксёнова, кричит дневальный. — Дембельский приказ! Вот, читайте! — поднял он руку с кипой газет и потряс ею.

— Давай сюда! — ревёт Аксёнов и, схватив дневального за руку, вырывает у него всю толстую пачку прессы.

Новость в мгновение ока разносится по всей казарме. Начавший было формироваться строй рассыпается без всякой команды. К Аксёнову бросаются два десятка «стариков» — почти весь наш третий взвод — и с радостными криками и воплями тянутся к газетам. На шум из ротной канцелярии выглядывает командир третьего взвода лейтенант Афанасьев.

— А ну прекратите базар! — командует он. — Быстро все в строй! Успеете с приказом ознакомиться! — и, обернувшись к дежурному по роте сержанту Курносову, добавляет: — Ведите роту на обед!

Возбуждённо переговариваясь, мы нехотя строимся. Обед, конечно, святое, но до обеда ли сейчас, когда тут грядут такие события! Дембель! Из призрачной солдатской мечты он превращался в самую настоящую реальность. Ещё несколько минут назад мы могли только гадать, надеяться и ждать. Когда? Ну когда же придёт этот замечательный день, который принесёт нам это радостное известие под названием «дембельский приказ». И вот он наступил. До компота ли тут? Эх! Сейчас бы граммов по сто пропустить — самое время.

И, словно прочитав мои мысли, Аксёнов бросает в строй, ни к кому не обращаясь:

— Вечером это дело обмыть надо!

И весь взвод одобрительно гудит. Ну что ж, похоже, сегодня после ужина предстоит продолжение банкета. Скорее всего, в каптёрке при закрытых дверях. В этот самый момент радужных размышлений о предстоящих вечерних событиях ко мне подходит дневальный и протягивает конверт.

— Тебе тут письмо, Сергей.

— Мне? — удивляюсь я. — Ты ничего не перепутал?

Глава 2. Инструктор по вождению

Писем я ни от кого не ждал. Вернее, почти не ждал. За весь последний год службы я получил их целых пять штук. В том числе два поздравительных — от тётки Мани, про которую упоминал в курилке Толик. Ещё три, коротких и не очень внятных — от той, что обещала ждать, приехать на свидание, любить… Почему всего лишь три, а не тридцать, как это было на первом году службы, я не знал и не понимал. Ведь ничего такого не случилось, мы не ссорились, ни в чём друг друга не обвиняли и не упрекали.

В письмах Таня по-прежнему обращалась ко мне «милый», «мой дорогой солдат»… В конце обязательно приписывала «целую» и «твоя Танька». И тем не менее чего-то в них не хватало. Я сначала не мог сообразить, чего именно. А потом, перечитав всю прошлогоднюю корреспонденцию и сравнив её с последними тремя посланиями, неожиданно понял, в чём дело. Фальшиво и неискренне как-то стали выглядеть все эти «милый», «целую», «твоя Танька» в коротком — на одну страничку — тексте, где она вскользь описывала свою жизнь, жаловалась на нехватку времени, загруженность в институте… Ещё меньше строк уделялось в письме моей персоне. Буквально две дежурные фразы типа «а как у тебя дела?» и «что делает мой солдат?». И всё это без лирических деталей и девичьих переживаний, которыми были полны её прошлогодние письма.

Повторяю, я не понимал, что происходит. А прямо спросить не мог. Во-первых, не позволяла гордость. Во-вторых, формально не к чему было придраться. Ведь мне по-прежнему писали все необходимые атрибуты: «милый», «целую» ну и так далее. А то, что в её текстах не стало фраз типа «любимый, единственный, ненаглядный» и «мне так трудно без тебя», в избытке имевшихся в первых письмах Тани, я пытался объяснить самыми разными причинами.

С Таней мы познакомились за полгода до армии, в первое воскресенье октября. Мой заводской приятель Витька Крошин купил мотороллер, и в тот воскресный день мы с ним делали обкатку. Проще сказать, гоняли на Витькином ролике по городу и ближайшим окрестностям. Дело в том, что у моего друга водительских прав не было. У меня же заветные корочки уже имелись. Поэтому в городе мотороллером управлял я, а за городом за руль садился Витька, и начинались практические занятия по вождению, где я выступал в роли инструктора. Должен отметить, вождение у нас прошло на «пять», и к вечеру уставшие и голодные как волки мы подкатили к Витькиному дому. Закатив мотороллер в сарай и закрыв дверь на ключ, мы поднялись на третий этаж, где в трёхкомнатной квартире вместе с родителями и младшей сестрой Ритой, студенткой мединститута, проживал мой приятель.

…Дверь в квартиру открыла Рита. Увидев меня, девушка удивлённо-радостно воскликнула:

— Серёжа! Да ты ли это! Не верю глазам своим! Вот не ожидала! Ну проходи, чего в дверях-то остановился?

Она протянула для приветствия руку. Я неуверенно переступил порог и смущённо пожал узкую девичью ладошку, почувствовав, как тонкие пальцы, подрагивая, обвили мою ладонь, не желая выпускать из своих объятий.

Я подозревал, что небезразличен Рите. Но абсолютно не придавал этому значения. Ну, мало ли что у девчонки на уме. И потом, какие могут быть отношения с младшей сестрой друга, надоедливой девчонкой с косичками, которую я знал, можно сказать, с пелёнок. Вот только Рита, похоже, была не согласна с моим мнением.

Рукопожатие затягивалось, и тут меня выручил Витька.

— Слышь, Ритка, мы с Серёгой голодные, как сто китайцев. Ты бы лучше на стол собрала чего-нибудь по-быстрому.

— Слушаюсь и повинуюсь, товарищи мужчины! — дурачась, пропела она и, убегая на кухню, шепнула мне: — Серёжка! Я так рада тебя видеть!

Пока мы с Витькой расправлялись с борщом и котлетами, Рита успела поведать нам про свои студенческо-картофельные дела, про новых подруг Нину и Таню, с которыми сегодня собралась на танцы.

— А что, мальчики, может, и вы с нами? — полюбопытствовала она, и взгляд её остановился на мне. Я понял, что вопрос адресован именно мне, следовательно, мне и отвечать. Пока я в нерешительности молчал, Витька, дожёвывая котлету, согласно кивнул головой.

— Заметано! Ты не возражаешь, Серёга?

— Прекрасная идея! — поддержал я друга, так как выбора мне не оставили.

Рита расцвела от наших положительных ответов. В этот момент раздался звонок в дверь.

— Это девочки! — воскликнула она. — Сейчас я вас с ними познакомлю, — и заторопилась в прихожую. Спустя несколько минут в гостиной состоялась церемония знакомства.

— Мои однокурсницы: Нина и Таня, — Рита жестом показала сначала на невысокую толстушку с озорной улыбкой на веснушчатом лице, а затем на стройную длинноволосую девушку с пристальным взглядом больших чёрных глаз. Мы церемонно кивнули друг другу.

— Что я вам скажу, девочки! — Рита заговорщицки подмигнула нам. — Витя и Серёжа согласились идти с нами на танцы.

— Чудненько! — захлопала в ладоши Нина. — Мы любим большие компании. Правда, Танечка?

— Конечно! В компании всегда веселей, — улыбнулась длинноволосая девушка и внимательно посмотрела на меня.

— Мы, кстати, очень даже весёлые ребята, — поддержал завязавшийся непринуждённый разговор Витька. — Уверяю, с нами вам скучать не придётся. Мы танцоры, и чтецы, гармонисты, плясуны. Мы готовы исполнить по заявкам трудящихся любой номер. Давайте, девушки, озвучьте ваши пожелания, не стесняйтесь…

В том же духе Витька продолжал нести всякую чепуху. Девчонки смеялись над его остротами. Я же не мог оторвать взгляда от Тани. Я откровенно пялился на неё, любовался её профилем, её мимикой, когда она смеялась или что-то говорила Витьке. Таня тоже бросала на меня короткие взгляды, и в этот момент я в смущении опускал глаза…

Глава 3. Уход по-английски

Танцы были в самом разгаре, когда наша новоиспечённая компашка наконец добралась до городского дома культуры. Довольно просторный танцзал с колоннами и небольшой сценой, на которой разместился эстрадный ансамбль, сегодня был переполнен. Мы с трудом отыскали относительно свободное место у окна, расположившись тесным кружком. Так случилось, что рядом со мной оказалась Таня, и мы то и дело касались друг друга плечами. Витька продолжал свою развлекательную программу… Но тут грохнул барабан с тарелками, взвыл саксофон, его поддержали трубы… Около Риты оказался какой-то парнишка с рыжей чёлкой и галантно пригласил её на танец. Витька подхватил Ниночку, и они закружились в быстром вальсе.

«Ну что ж, — подумал я, — от судьбы не уйдёшь!» И, набравшись духа, повернулся к Тане:

— Посмотрите, — говорю, — какая несправедливость! Все танцуют, веселятся. Только мы с вами стоим, как два тополя на Плющихе, всеми позабыты, позаброшены? Может, не будем отрываться от масс?

— Не будем! — засмеялась девушка. — Что мы — рыжие?

Взявшись за руки, мы протиснулись сквозь толпу и включились в общий поток танцующих. Вальс я танцевал так себе, поэтому мысленно поблагодарил всевышнего за то, что дал мне шанс не упасть лицом в грязь. Людская скученность не позволяла сделать больше двух кругов. На третьем круге я бы точно сбился, потерял ритм и стал бы наступать своей партнёрше на ноги. А так мы топтались почти на одном месте, мало чем отличаясь от соседних пар.

Уже после второго или третьего танца мне с Таней стало легко и просто, будто мы сто лет знали друг друга. Мы без умолку болтали, шутили, смеялись. После окончания танца продолжали держать друг друга за руки, а с первым звуком новой танцевальной мелодии вновь устремлялись в круг. Мне всё без исключения нравилось в Тане: её фигура, её лицо. Мне нравилось то, как она обаятельно улыбается и заразительно смеётся… Мне нравился тембр её голоса, и то, как она говорит, как формулирует мысли… Я догадывался, что тоже нравлюсь ей. Прямо какое-то единение душ! Такое со мной случилось впервые… Кажется, мы оба помешались друг на друге, мы ничего не замечали вокруг. И лишь однажды, подняв глаза, я случайно наткнулся на Риту. Она одиноко стояла у стенки и смотрела на нас. Её взгляд выражал боль и тоску…

В общем, танцевальная программа пошла по неожиданному для меня сценарию. Произошло нечто ужасное и одновременно желанное для меня: я весь вечер протанцевал с Таней. Я был почти счастлив. Почти, потому что одновременно испытывал вину перед Ритой, хотя и не понимал до конца, в чём она состоит.

А завершился танцевальный вечер и вовсе безобразно. Мне надоела эта раздвоенность чувств, и я предложил девушке:

— Давайте сбежим!

— Как сбежим? — широко раскрыла глаза Таня. — А как же девочки, Нина, Рита? — она ненадолго задумалась, затем решительно встряхнула головой: — Надеюсь, они все поймут. Бежим, Серёжа!

«Нина, может, и поймёт, что касается Риты — сомневаюсь», — мысленно прокомментировал я принятое нами решение, но озвучивать его не стал. И мы ушли по-английски, не прощаясь.

Глава 4. Я буду ждать

Мы вышли на улицу. Было темно и не по-осеннему тепло. Ветер трепал листья на деревьях. Где-то вдалеке шумели машины.

— Куда пойдём? — спросила Таня.

— Не знаю, — честно ответил я. — Просто пойдём, куда глаза глядят.

Мы пошли по аллее, уходящей от Дома культуры в сторону парка. Шли молча. Я чувствовал её руку в своей — тёплую, надёжную. И чувствовал, как постепенно отпускает то напряжение, что терзало меня весь вечер.

В парке на полуосвещённых аллеях под ещё зелёными деревьями бродили такие же полусумасшедшие парочки. Неожиданно под огромным сиреневым кустом обнаружилась уютная и никем не оккупированная деревянная скамейка.

— Может, присядем? — предложил я.

— С удовольствием, — тут же согласилась Таня. — Сегодня и так весь вечер на ногах.

Мы со вздохом облегчения опустились на это чудо малой архитектуры. Таня расстегнула плащ и, откинувшись на спинку скамейки, устремила задумчивый взгляд в небо, усыпанное не по-осеннему яркими звёздами. Я же молча смотрел на неё, и какая-то волна радости поднималась у меня в груди. Радости от ощущения, что со мной рядом сидит девчонка, лучше которой я не встречал в жизни и, был уверен, уже никогда не встречу.

— Знаешь, я рада, что сегодня пришла, — нарушила молчание Таня.

Это её «знаешь» прозвучало так естественно и доверительно, что я тут же отбросил все условности перехода на «ты» и, не задумываясь, ответил:

— Я тоже, — и это была чистая правда.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Рита говорила, что вы с её братом друзья. Давно знакомы?

— Да, со школы. Потом вместе на завод пошли, в один цех.

— А с Ритой?..

Я напрягся.

— Что с Ритой?

— Ну… — она чуть помедлила. — Вы просто друзья? Или… что-то большее?

Я почувствовал, как холодеет внутри.

— Просто друзья, — быстро сказал я. — Я её давно знаю, с детства, можно сказать. Мы вместе на рыбалку ходили, за грибами… Но ничего такого… — я запнулся. — Почему ты спрашиваешь?

Таня пожала плечами:

— Просто… мне показалось… — она улыбнулась, но в этой улыбке было что-то напряжённое. — Показалось, что она влюблена в тебя.

Это был не вопрос, а утверждение.

— Не знаю, — искренне ответил я. — Она говорила что-то летом. На танцах. Но я не придал этому значения. И потом, Рита — сестра моего лучшего друга. Она для меня как… как младшая сестра, что ли. И я никогда не думал о ней по-другому. А теперь…

— А теперь, похоже, я могу потерять подругу, — закончила Таня.

Она помолчала, глядя куда-то вдаль. Потом раздумчиво сказала:

— Я сама не понимаю, что происходит. Мы с вами… с тобой, — поправилась она, — знакомы несколько часов всего. Но мне так легко, так хорошо… Как будто мы знаем друг друга сто лет…

— Мне тоже, — признался я. — Именно так. Прямо единение душ какое-то.

Она повернулась ко мне. В темноте я различал только контур её лица, блеск глаз.

— И что теперь? — спросила она.

— Не знаю, — ответил я честно. — Завтра Витька спросит, куда я делся. Рита… Рита не будет спрашивать. Она и так всё поймёт.

— Что она поймёт? — тихо спросила Таня. — Думаешь, поймёт, почему мы сбежали с танцев? Очень сомневаюсь. Я ничего не знала о ваших отношениях. Но когда увидела, как Рита смотрит на тебя…

— Поймёт или не поймёт — что это меняет? — спокойно возразил я. — Главное — в другом. Мы встретились, и нам хорошо вдвоём.

— Встретились и познакомились благодаря Рите, — напомнила Таня. — И что я ей завтра скажу?

Мы сидели, держась за руки, глядя в темноту. Где-то вдалеке играла музыка — до нас доносились обрывки мелодии из Дома культуры. Там продолжались танцы. Там Рита искала меня глазами и не находила. Там Витька с Ниной веселились. Там была жизнь, которая шла своим чередом.

А мы сидели в парке на скамейке, двое мало знакомых людей, которых судьба в лице Риты свела на один вечер. Мы не знали, что будет завтра, даже боялись об этом думать…

И напрасно. В итоге всё для нас сложилось очень даже неплохо. Витьку через месяц призвали в армию. И я перестал бывать в доме друга, а значит, и видеться с Ритой. Дружба между Таней и Ритой на какое-то время расстроилась. Не знаю всех деталей, но слышал от Тани, что у Риты появился парень. Вот и слава Богу…

Наши с Таней отношения, даже не знаю, как сказать, чтоб не сглазить… Короче, эти несколько месяцев до армии стали лучшими в моей жизни. Мы встречались едва ли не каждый день. Я приводил Таню домой, познакомил её с тёткой Маней. Но чаще всего мы ходили в кино, в театры, на танцы. Танцевал я, конечно, так себе, и тогда Таня решила сделать из меня танцора «диско». Ну, не совсем танцора и не «диско». В общем, однажды повела меня в танцевальный клуб, где нас записали в класс аргентинского танго. Я не возражал. С Таней готов был плясать хоть рок-н-ролл.

Несколько раз бывал в Таниной уютной квартире, где она жила вместе с мамой. Однажды, когда мы остались вдвоём, атмосфера тепла и близости едва не переросла в нечто большее. Я не выдержал и, притянув Таню к себе, принялся жадно целовать её глаза, нос, губы… Таня, смутившись, остановила меня.

— Не сходи с ума, Серёжа, — шептала она. — Я стану твоей, если мы поженимся после армии. Ведь ты возьмёшь меня замуж?

Я целовал её и шептал в ответ одно единственное слово: «Да»…

А потом мне принесли повестку из военкомата. Как вчера помню наше расставание на вокзале. Таня не сдерживала слёзы. Уже объявили посадку в вагоны, а она не хотела отпускать меня из своих объятий. Словно чувствовала, что это не просто расставание. Это прощание навсегда.

— Я буду ждать тебя, Серёжа! Буду любить тебя всегда, — и сквозь волнение в голосе добавила: — Я обязательно приеду к тебе на свидание в часть, как только закончу сессию, — и сразу к тебе, обещаю!..

Почти два долгих года я читал и перечитывал её письма, всматривался в каждую машину, подъезжавшую к КПП, и повторял себе: «Приедет. Обязательно приедет».

Она не приехала. Ни через полгода, ни через год. Письма стали короче, реже, холоднее. А потом и вовсе прекратились. Но я всё ждал. Как последний идиот — ждал.

А потом что-то внутри меня надломилось. Устало. Опустело.

…И вот сегодня у меня в руках письмо от самой лучшей на свете девчонки. Я не решаюсь его вскрыть, да мне и не дают. Сержант Курносов командует: «Шагом марш на обед». Я быстро

прячу конверт в карман кителя и занимаю своё место в общем строю. «Ладно, прочту после обеда, в спокойной обстановке».

Глава 5. Письмо Татьяны

Этот день точно не сложился. После утреннего развода меня вызвал в канцелярию командир взвода лейтенант Афанасьев и, пока я стоял перед ним навытяжку, устроил разнос в формате, не предусмотренном ни в одном воинском уставе. По версии Афанасьева, я, как начальник дизельной передвижной электростанции, развёл на объекте грязь и бардак, распустил подчинённых, самоустранился от организации и проведения практических занятий с курсантами, ну и так далее и тому подобное.

Слова, которыми всё это втолковывал мне лейтенант, я даже приводить не хочу. Честно скажу, никогда от взводного не слышал подобных идиоматических выражений. И вообще, всё это было несколько странно.

Саша Афанасьев только в прошлом году окончил наше военное училище и был всего на пару лет старше меня. Мы, дембеля, в приватных беседах нередко обращались к нему по имени, без всяких там «товарищ лейтенант». Вообще, парень он был замечательный, с ним можно было договориться по многим вопросам. И вот тебе «на»! Строго говоря, если вникнуть в суть обвинений, выдвинутых в мой адрес, то были они отнюдь не беспочвенными. Это я и сам понимал. Что-то в последние дни сломалось во мне. Накатила какая-то апатия, безразличие ко всему.

В ангаре, где стоял наш кунг с дизельной электростанцией, я появлялся теперь через раз, перепоручив все текущие дела старшему мотористу ефрейтору Сидоренко. Даже практику с курсантами передоверил вести ему. А сам закрывался в небольшой каптёрке, где на стеллажах и полках хранились инструменты, спецодежда, различный нужный инвентарь. Там же в углу примостился небольшой металлический столик, где мы с ребятами в свободное время гоняли чаи, а случалось — и кое-что покрепче. Но главным предметом в мебельном гарнитуре каптёрки была кушетка. Приказав Сидоренко до обеда меня не кантовать, я часами валялся на этой чудесной лежанке. Сказать, что в эти минуты я о чём-то усиленно размышлял, над чем-то сосредоточенно думал, нельзя, потому что это был бы самообман. Так, крутились в голове кое-какие мыслишки, жалкие остатки той большой психологической бури, что разразилась в моей голове две недели назад. Да, ровно две недели назад я получил это злополучное письмо.

Словно подслушав мои мысли, лейтенант Афанасьев вдруг прерывает воспитательный процесс и жестом подзывает меня к себе.

— Ладно, Сергей, хватит тянуться, — абсолютно спокойным голосом говорит он, словно и не было только что десятиминутной взбучки. — Садись и рассказывай, что там за письмо?

Странные, чёрт возьми, происходят метаморфозы с нашим внутренним «я». Ещё пару минут назад, когда в мой адрес сыпались громы и молнии, я почти дрожал от обиды и злости на лейтенанта. Был готов наговорить ему грубостей. Но вот он усаживает меня на стул, называет по имени, а не «младший сержант Негулин», и я таю. Я всё прощаю лейтенанту Афанасьеву: его тон, его лексику, потому что понимаю — он, в общем-то, прав. Никакие личные дела не должны влиять на службу. Мы в канцелярии одни, поэтому я также называю его по имени.

— Ты прости, Саня. Всё, что ты говорил, — по делу. Виноват, исправлюсь! Просто в последние дни байда какая-то в голове.

— Вижу, что байда, поэтому и устроил тебе разнос, — мягко говорит лейтенант и кладёт руку на моё плечо. — Но я должен быть уверен, Сергей, что мне больше не придётся прибегать к подобным мерам, как сегодня. Поэтому я должен знать причины твоего разгильдяйства. Вы же дембеля! Какой пример подаёте молодым! И не уходи от ответа, я жду.

Я молчу. Саша берёт стул, усаживается напротив и устремляет на меня свои голубые глаза. И я вижу в них озабоченность и тревогу. Лейтенант берёт со стола пачку «столичных» и протягивает мне:

— Закуривай.

Я вытаскиваю сигарету, лейтенант чиркает зажигалкой, даёт прикурить мне, прикуривает сам. Сидим, дымим…

— Послушай, Сергей, — все мы через это прошли. Не ты первый, не ты последний. Знаешь, у меня история любви была, пожалуй, похлеще, чем у Ромео и Джульетты.

Я с интересом смотрю на лейтенанта.

— Что-то ты об этом не рассказывал, — говорю.

— Да так, повода не было, — задумчиво произносит Афанасьев. — Может, как-нибудь и поведаю. Одно могу сказать: не взял бы тогда себя в руки — стал бы зеком, а не офицером. — Он замолкает и выжидательно смотрит на меня.

Я в последний раз затягиваюсь «столичной», решительно гашу сигарету в пепельнице, лезу в карман камуфляжа, достаю письмо и протягиваю его Афанасьеву.

— Вот, ознакомься, — произношу, как мне кажется, небрежным тоном.

Лейтенант вытаскивает из конверта исписанный мелким почерком листок из школьной тетрадки. Всего один листок, который всё перевернул в моей жизни. Текст письма я знаю наизусть, и пока командир бегает глазами по строчкам и разбирает незнакомый почерк, я успеваю в памяти повторить его дважды. Вот он:

«Сергей! Я долго думала, написать тебе или нет. Ведь ты знаешь, я не люблю оправдываться. А писать тебе в сложившейся ситуации — значит непременно объясняться, оправдываться и в итоге остаться виноватой. Но потом решила: напишу и всё объясню сама. Ибо обязательно найдутся доброхоты, которые сообщат тебе об этом и, конечно, постараются расписать, какая я подлая, неверная и вообще последняя сволочь. Но поверь, Сергей, я ни то, ни другое, ни третье. Я обыкновенная слабая женщина. Я в последнее время реву по ночам в подушку, потому что никто не может и не хочет понять меня, никто не видит, как мне плохо. Потому что все мужчины эгоисты и собственники и не способны понять женских чувств, а тем более женских страданий. Да! Да! Именно страданий. Мне трудно тебе это объяснить, но поверь — это не твоя, а моя трагедия. Одновременно моё и счастье, и трагедия в том, что я встретила другого. Неважно, кто он, не об этом сейчас речь.

Сергей! Ты не думай, что я забыла тебя и всё, что было между нами. Я всё прекрасно помню: как провожала тебя в армию и обещала ждать. Помню наш последний поцелуй у вагона. Помню свои слёзы и всё-всё-всё… Но потом случилось то, что случилось. Я долго боролась со своими чувствами, пыталась разобраться в себе, понять, что произошло. Сегодня мне ясно одно: мы с тобой не можем быть вместе. Иначе это стало бы страданиями для нас обоих. Вот почему я решилась на это письмо. Но ты не переживай сильно.

Более того, можешь считать эту историю банальной. Ведь по большому счёту так оно и есть. И вообще, как сказал поэт, «всё пройдёт, как с белых яблонь дым…». Я уверена, всё у тебя наладится, ты встретишь большую любовь и будешь счастлив. Такой любви я тебе всем сердцем желаю. Это моё последнее письмо, Сергей. Забудь меня, не пиши мне больше. И после возвращения из армии не ищи со мною встреч. Так будет лучше. Прости! Таня».

Афанасьев наконец дочитал листок, затем аккуратно сложил его вдвое, сунул обратно в конверт и протянул мне.

Я беру конверт и небрежно запихиваю его на прежнее место. Взводный закуривает и с задумчивым видом смотрит в окно. Я тоже тянусь за сигаретой.

— А знаешь, — нарушает молчание лейтенант, — умная у тебя девушка. Всё очень здраво рассудила. И я её понимаю.

Эта его фраза выбивает меня из колеи. Нет, не таких слов я ожидал сейчас от командира. Я предполагал, что, прочитав это предательское, иначе не скажешь, послание, он разразится гневной тирадой в адрес изменницы, смешает её с грязью, а потом ободряюще хлопнет меня по плечу и произнесёт что-нибудь типа «плюй на всё — береги здоровье», или что-то в этом

роде. Поэтому я с недоумением смотрю на Афанасьева. Заметив в моих глазах растерянность, командир усмехается и в самом деле хлопает меня по плечу.

— Ничего, сержант, всё обойдётся, поверь. Будет и на твоей улице праздник. А что касается твоей Татьяны — видно, не было у неё большой любви, и она честно тебе об этом написала. Так что не поливать её последними словами нужно, а сказать ей большое спасибо. И когда ты это поймёшь, сам будешь ей благодарен.

Нет, я этого не понимаю и не хочу понимать.

— Почему, чёрт возьми, я должен её благодарить? — мрачно интересуюсь я у Афанасьева. — Ведь она сломала мне жизнь. Ты же знаешь, Саня, два года я ни о ком, кроме неё, не думал. Все два года я ждал от неё писем. Я считал её искренней и был уверен, что она меня любит. А теперь что мне делать?

— Что делать, что делать, — барабанит пальцами по столу Афанасьев. — Можно, конечно, застрелиться. Личный «калашников» у тебя есть. Хлопотно, правда, комиссии потом замордуют. Придерутся, что патроны не по назначению используются. Проще, пожалуй, повеситься или утопиться, благо Волга рядом. Хотя и тут имеются свои сложности.

Свой монолог Афанасьев произносит будничным тоном, без тени улыбки на лице, и я не могу понять: это он серьёзно говорит или так шутит. Я с подозрением смотрю на лейтенанта, а тот на меня. Какое-то время мы молча сверлим друг друга глазами. Всё же я замечаю во взгляде командира едва уловимую усмешку, и тут же в ответ мои губы непроизвольно растягиваются в улыбке. А спустя минуту я не могу удержать рвущегося наружу смеха. Хохочет и взводный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.